

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 7.046.3:29

Е. В. Асалханова

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Г.-Ч. ЦЭБЭГИЙНА — МАСТЕРА ПЕТЕРБУРГСКОГО БУДДИЙСКОГО ХРАМА

Жизненный и творческий путь выдающихся бурятских художников первой трети XX в. Г.-Ч. Цэбэгийна и О. Б. Будаева, причастных к созданию храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Петербурге, привлекает в последние годы все более пристальное внимание исследователей. Наиболее развернутым источником знания о деятельности этих не только значительных художников, но и крупных специалистов в области буддийской культуры, принадлежавших к высшему буддийскому духовенству, становятся работы конца XX — начала XXI в., среди них наиболее обстоятельна работа С. Д. Цыбыктаровой [1]. К сожалению, внимание автора к биографии именно Г.-Ч. Цэбэгийна обрывается 1924 г. Сведения о дальнейших событиях его творческой жизни можно найти в статьях сборника «Выдающиеся бурятские деятели XVII — начала XX века» [2] и в энциклопедическом справочнике «Монгольский исторический словарь» А. С. Гагапова [3]. Следует отметить, что в упомянутых нами источниках встречаются разночтения. Это обстоятельство побудило нас еще раз обратиться к творческой биографии Г.-Ч. Цэбэгийна, сведя воедино постепенно становящиеся известными жизненные события и факты деятельности одного из основоположников бурятской культуры, одновременно документально подтвердить его активное участие в создании храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Петербурге. В статье также акцентируется внимание на художественном анализе иллюстраций к книге «Повесть о Молон-тойне» Цэбэгийна, позволяющем выявить творческий почерк мастера¹.

Гэлэк-Чжамцо Цэбэгийн родился в 1869 г. в джидинской долине Бурят-Монголии, в селе Верхний Торей, в семье Мархая Раднаева, крупного знатока монгольской ли-

Асалханова Екатерина Владимировна — ст. преподаватель, Национальный исследовательский Иркутский технический университет; e-mail: asalhane@yandex.ru

¹ Рукописная иллюстрированная книга «Повесть о Молон-тойне», исполненная Г.-Ч. Цэбэгийном, хранится в настоящее время в фондах ГМИР в Петербурге (ГМИР, инв. № Л-5572 [4]). По словам хранителя фонда отдела Востока ГМИР В. Н. Мазуриной, рукопись оказалась в фондах музея в результате частной закупки.

© Е. В. Асалханова, 2013

тературы [2, с. 109] ². Гэлэк-Чжамцо был четвертым ребенком в многодетной семье, имевшей семерых сыновей. В семилетнем возрасте он поступил в школу чойра³ Барун-Сартульского дацана и по истечении 14 лет учебы получил звание гэбши⁴. В течение двух лет он пребывал в Гусиноозерском дацане, а затем для продолжения образования отправился в Лхасу, где учился и служил в дацане Гоман монастыря Брайбун близ Лхасы [3, с. 336]. В то же время в монастыре Брайбун учился Агван Доржиев⁵. Таким образом, А. Доржиев был знаком с ним еще со времен совместной учебы в Тибете. В течение 10 лет жизни в Лхасе Г.-Ч. Цэбэгийн изучал философию, математику, геометрию, астрологию, теорию архитектуры и в результате в 34 года получил ученую степень доромбы⁶. В эти же годы Г.-Ч. Цэбэгийн побывал в Индии, Китае, где с огромным интересом изучал архитектуру буддийских храмов. Его современники отмечали, что из этих стран он привез большое количество рисунков и эскизов [2, с. 109]. Возвратившись в 1903 г. на родину, он на некоторое время остановился в Урге, посетил основные буддийские дацаны и принял участие в проходивших там в то время религиозных диспутах, поразив участников этих дискуссий своей эрудицией [3, с. 336]. По возвращении в Бурятию, с 1903 по 1914 г. Цэбэгийн служил гелонг⁷-ламой Сартульского дацана.

В 1914 г. А. Доржиев приглашает его в Петербург, так как для выполнения художественных работ в строящемся буддийском храме, которыми руководил Н. К. Рерих, требовались квалифицированные консультанты по тибетской архитектуре и буддийской художественной росписи⁸. Петербургский исследователь А. И. Андреев, согласно сведениям, обнаруженным им в Российском государственном историческом архиве, сообщает, что консультантами и помощниками Н. К. Рериха были приглашенные в этом году из Бурятии Агваном Доржиевым знатоки и практики тибетской архитектуры и буддийского искусства Осор Будаев и Гэлэг-Чжамцо Цэбэгийн, а также мастер Ринчин Занхатов, выполнявший столярные работы [10, с. 70].

² По сведениям С. Д. Цыбыктаровой, Г.-Ч. Цэбэгийн родился в бурятском хошуне Хэнтэйского аймака Монголии [1, с. 45].

³ Чойра (тиб. chos-rva) или цанит (букв. «истинное свойство») — философско-богословский факультет при монастырях, на котором изучаются 5 следующих разделов: парамита, мадхьямика, абхидхарма, виная и логика.

⁴ Гэбши (тиб. dge bshes, монг. buyan-u sadun — букв. «друзья добродетели») — ученое звание ламы, присваиваемое после окончания курса обучения дацанской школы чойра.

⁵ Агван Доржиев (1853/4–1938) — хоринский бурят, в девятнадцатилетнем возрасте отправившийся в Тибет, где получил высшее конфессиональное образование в Гоман-дацане, крупнейшем лхасском монастыре Дрепунг (1888). По окончании обучения был назначен одним из наставников юного XIII Далай-ламы Тубтен Гьятцо (1876–1933); впоследствии ближайший советник и фаворит тибетского правителя, добивался политического сближения Тибета с Россией и установления русского протектората над Тибетом. В 1905 г. переселился в Россию. Ученый-богослов, дипломат, просветитель, видный деятель национально-освободительного движения тибетского и монгольского народов, реформатор буддийской конфессии в царской и советской России. По его инициативе и под его руководством в 1909–1915 гг. по проекту известного архитектора Г. В. Барановского был возведен буддийский храм в Петербурге.

⁶ Доромбо — вторая ученая степень у буддийских философов школы гелугпа после *лхарамбы*. Обладателями степени становятся занявшие второе место после победителя в философских диспутах между соискателями от трех крупнейших монастырей Тибета: Гандан, Сэра и Дрепунг, которые проводятся ежегодно на новогоднем празднике Монлам в присутствии представителей всех монастырей страны.

⁷ Гелонг (тиб. dge-slong) — духовное звание, третья, высшая ступень монашеского посвящения. Гэлонг принимает все 253 обета.

⁸ Исторические особенности и современное состояние храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Петербурге рассмотрены нами достаточно подробно [5–8].

Это событие подтверждает еще один документ, в котором говорится, что Г.-Ч. Цэбэгийн был командирован в Петербург приказом Иркутского генерал-губернатора как знаток геометрии и архитектуры, системы ритуалов, оформления алтарей и постановки разных украшений буддийских храмов. Вместе с ним прибыли бурятские специалисты по буддийской архитектуре и искусству О. Будаев, Ц.-Д. Жамбалдоржиев и др. [2, с. 110]. Кроме того, в своих воспоминаниях старейший житель поселка Иволга в Бурятии Б. Цыбиков приводит текст буддийской молитвы на бурятском языке и дополняет его следующим пояснением: «эту молитву сложил знаменитый тогда на всю Бурятию и Монголию буддийский астроном и математик дорамба лама Сартульского дацана Гэлэк-Чжамцо Цэвэгийн, участвовавший в возведении Петербургского буддийского храма как главный консультант архитектора Барановского и художника Рериха» [11, с. 6–7]. Существует еще одно важное свидетельство внучатого племянника Агвана Доржиева, профессора С. Д. Дылыкова, на которое ссылается в своей работе С. Д. Цыбыктарова [1]. Оно также подтверждает, что отделкой главного зала и других помещений храма руководил Н. К. Рерих, который пользовался при создании эскизов советами бурятских лам, которые в начале XX в. являлись одними из наиболее авторитетных специалистов в области буддийского искусства и системы ритуалов [1]. Г.-Ч. Цэбэгийн, философ, писатель, автор многочисленных трудов по буддийской астрономии и математике был тончайшим знатоком религиозно-философской системы Калачакра, символы которой играли столь значительную роль в декоре петербургского храма [9]⁹.

Все это позволяет нам, следуя убедительным доводам исследователей и натурному обследованию сохранившегося в дацане Гунзэчойнэй декора [5, 6], сделать вывод о том, что Г.-Ч. Цэбэгийн, наряду с другими бурятскими мастерами, был соавтором Н. К. Рериха, непосредственно участвуя в работе над росписями внутренних помещений храма и устройством его алтаря.

2 мая 1914 г. был утвержден штат духовенства для служения в петербургском дацане, состоявший из девяти бурятских и калмыцких лам, среди которых упоминается Г.-Ч. Цыбаков (по русским документам так звучало имя Г.-Ч. Цэбэйгийн) [12, с. 22].

Г.-Ч. Цэбэгийн был известен не только как ученый, но и как художник. Существуют многочисленные переводы, выполненные Г.-Ч. Цэбэгийном с тибетского языка на монгольский. На основании источников на санскрите, тибетском и монгольском языках он создавал художественные сочинения, в ряду которых наиболее важной представляется уже упоминавшаяся нами рукописная иллюстрированная книга «Повесть о Молон-тойне (МAUDГАЛЪЯНЕ)». Г.-Ч. Цэбэгийн завершил это произведение, находясь в Петербурге в 1915 г. В качестве иллюстраторов выступают сам Г.-Ч. Цэбэгийн и самодельный художник, бывший староста-урядник из Верхнего Торая Цырен-Даши Жамбалдоржиев [2, с. 110]. С. Д. Цыбыктарова считала, что «графические листы 1915 г. к «Повести о Молон-тойне», своеобразная восточная параллель Боттичеллиевому Аду «Божественной комедии» Данте, принадлежат к шедеврам мировой графики» [1, с. 46].

«Повесть о Молон-тойне» представляет собой образец повествовательных сюжетов литературы «народного буддизма», получивших широкое распространение в Китае и Тибете — как в живописи, так и в литературе — оттуда сюжеты попадали в Монголию и Бурятию. Впервые на старомонгольский язык «Повесть» была переведена в нача-

⁹ Известно, что Г.-Ч. Цэбэгийн в период работы в Петербурге вместе с А. Доржиевым и видными буддийскими деятелями неоднократно выезжал в Калмыкию для того, чтобы принять активное участие в создании хурулов (дацанов) и буддийских учебных заведений [2, с. 337].

ле XVII в. южно-монгольским переводчиком, известным как Пандита Ширэгэту-гуши Цорджи, и напечатана ксилографическим способом в Пекине в 1686 г. Изображения сцен ада с назидательной установкой получили чрезвычайную популярность. В конце XIX в. «Повесть о Молон-тойне» была переиздана в Агинском дацане [13, с. 58–59].

Иллюстрации, точно следуя за сюжетом, описывают историю о Молон-тойне (Маудгальяяне). Легенда повествует, что однажды Маудгальяяна обратился к Будде с вопросом, в каком из шести миров получили новое рождение его умершие родители. Будда предложил ему самому это узнать, для чего нужно было отправиться на Коршунью гору и погрузиться в созерцание. Он так и сделал и увидел, что отец его возродился на небесах, а мать — в аду. Маудгальяяна, благодаря своей магической силе, поднялся на небеса и повидал отца, а потом отправился в ад, чтобы найти свою мать и попытаться облегчить ее страдания. После многочисленных приключений Маудгальяяна наконец увидел свою мать. Когда дело спасения матери Маудгальяяны было закончено, он явился к Будде и рассказал всем его ученикам и последователям о том, чему стал свидетелем, побывав в шести мирах сансары. Будда, желая сохранить этот рассказ в назидание верующим, приказал ему изобразить все увиденное на пятистороннем цилиндре, который установили таким образом, чтобы каждый проходящий к Будде мог рассматривать рисунки. Для пояснения изображенного возле цилиндра постоянно находился один из учеников Будды, слышавший рассказ Маудгальяяны. Позднее изображения на пятистороннем цилиндре были преобразованы в известную композицию «Колесо сансары».

Рукописный альбом состоит из разрозненных листов плотной пожелтевшей бумаги, заполненной текстом и рисунками, помещенными в обведенные тушью рамочки. Композиция листа традиционно делится пополам: в верхней части — иллюстрации, в нижней — текст на старомонгольском языке. Линейный рисунок слегка подцвечен акварелью. В иллюстрациях одну треть большей части композиций занимает изображение Маудгальяяны, две ее трети — сцены ада. Как правило, слева находится изображение фигуры Маудгальяяны, стоящего на облаке, справа — фигура демона и мученики в аду (иногда встречается изображение двух демонов) [4, л.28] (рис. 1, 2).

Согласно буддийским представлениям, существует шестнадцать основных разделов ада (скр. *paraaka*, тиб. *dmu'al-ba* — «ад»), имеющих свои названия. К ним относятся восемь горячих адов, восемь холодных и дополнительные или случайные ады. Восемь горячих адов: 1) умирающих и вновь оживающих; 2) черных линий; 3) совокупно разрушающий; 4) плачущих; 5) громко плачущих; 6) горячий; 7) очень горячий; 8) невыносимо горячий. Восемь холодных: 1) ад волдырей; 2) ад лопающихся волдырей; 3) ад кричащих «бр-р»; 4) ад кричащих «ох, горе»; 5) ад стиснутых зубов; 6) ад распадающихся, подобно золотой лилии; 7) ад распадающихся, подобно лотосу; 8) ад сильно распадающихся, подобно лотосу.

Маудгальяяна изображен в красной одежде буддийского монаха, вокруг головы — бледно-голубой нимб. Тело (руки, ноги, голова) не тонированы, цветом обозначены только волосы. Характерна передача душевного состояния Маудгальяяны благодаря выразительной мимике лица, выражающей ужас [4, л.27].

Изящная каллиграфия старомонгольского письма соотносится с тонким линейным рисунком изображений. Рисунок то с утоншающейся, то с утолщающейся линией, легкий, естественный. Линейный рисунок слегка подцвечен акварелью. Письмо свободное, пятна краски выходят порой за границы линейных контуров.

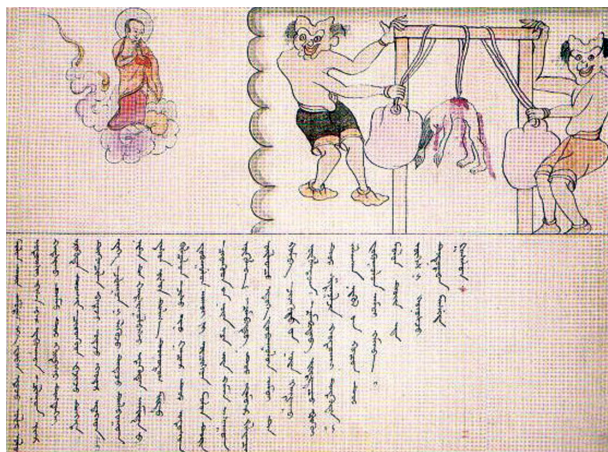

Рис. 1. Г.-Ч.Цэбэгийн (?), Ц.-Д.Жамбалдоржиев. Иллюстрации к «Повести о Молон-тойне», бумага, тушь, акварель, Музей истории Бурятии [14, с.247].

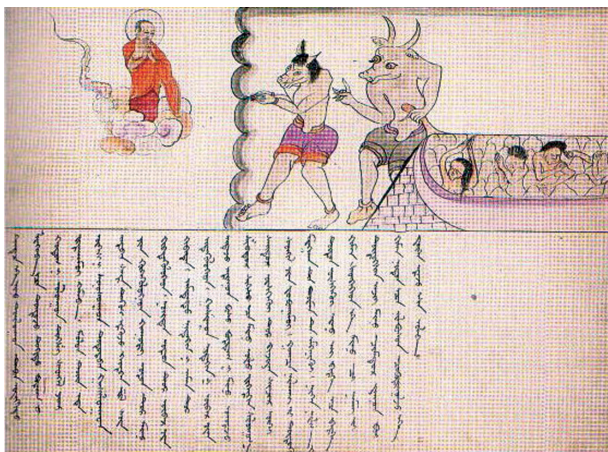

Рис. 2. Г.-Ч.Цэбэгийн (?), Ц.-Д.Жамбалдоржиев. Иллюстрации к «Повести о Молон-тойне», бумага, тушь, акварель, Музей истории Бурятии [14, с.247].

Великолепны фигуры демонов. Virtuозными линиями передана экспрессия их движений, особенно значителен образ демона с головой быка [4, л.33]. Отдельные фигуры обозначены легкой тонировкой серых и зеленоватых тонов.

Нами просмотрено 36 листов рукописи. Следует отметить, что листы разнятся между собой по степени мастерства, владению линией, знанию пластической анатомии и т.п., что объясняется тем, что их авторами были два художника: Г.-Ж.Цэбэгийн и Ц.-Д.Жамбалдоржиев. Последний, несомненно, уступал в искусности рисунка Г.-Ж.Цэбэгийн.

В Музее истории Бурятии хранится еще один вариант «Повести о Молон-тойне», выполненный Ц.-Д.Жамбалдоржиевым и найденный в Курумканском районе Бурятии, считающийся копией рукописи Г.-Ч.Цэбэгийн [13, с.58]. Об этом манускрипте бурятская исследовательница, директор Национального музея республики Бурятия Т. А. Борноева писала следующее: «Великолепные иллюстрации к рукописи в изысканной акварели исполнены на чуть сероватой акварельной бумаге. Каждая страница являет собой органическое единство текста и изображения. Тонкость и изящество рисунка соотносятся в нижней части листа со стройностью рядов монгольской графики текста. В изображении архитектуры и элементов пейзажа заметно влияние китайской графики. Но в ри-

Рис. 3. Ц.-Д. Жамбалдоржиев (?). Иллюстрации к «Повести о Молон-тойне», бумага, тушь, акварель, Музей истории Бурятии [14, с. 169].

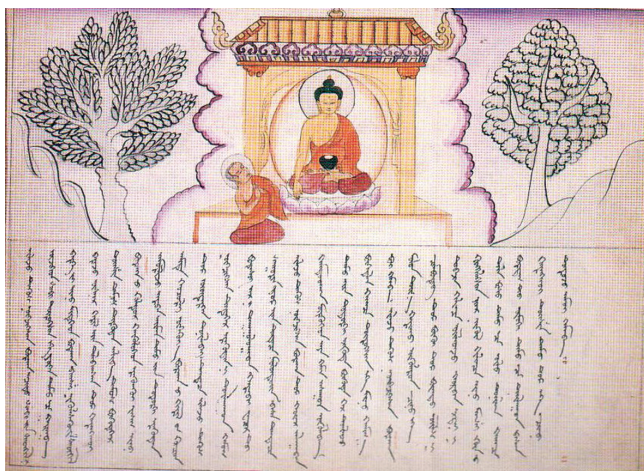

Рис. 4. Ц.-Д. Жамбалдоржиев (?). Иллюстрации к «Повести о Молон-тойне», бумага, тушь, акварель, Музей истории Бурятии [14, с. 169].

сунке облаков, лиц главных персонажей, деталей одежды ясно читается рука местного бурятского мастера. По сюжету и композиционному построению эти иллюстрации переключаются с изображениями сцен ада в иконе «Сансарын хурдэ» О. Будаева». Ссылаясь на исследование С. Д. Цыбыктаровой, Т. А. Боронова подчеркивает прослеживающуюся в работе бурятских мастеров связь между иконой и рукописью и пишет далее, что эта связь «имеет отношение к идеологии обновленческого движения, к просветительской идее доступности буддизма для широких масс. По мастерству исполнения, продуманности и изяществу колористической трактовки эти иллюстрации могут быть поставлены в ряд лучших образцов буддийской книжной графики» [15, с. 29].

При всем сходстве этих двух рукописей наблюдаются и отличия. Прежде всего бросается в глаза то, что в рукописи, хранящейся в музее в Бурятии, фигура Маудгальяны почти везде изображена в сидящем положении, в то время как на петербургских листах Маудгальяна в полный рост возвышается среди облаков. Логично предположить, что бурятская рукопись либо свободная копия петербургской, либо, что кажется нам более основательным, полностью самостоятельное произведение (рис. 3, 4).

Рис. 5. «Мадгальяна в аду»
(из Частной коллекции) [16].

Рис. 6. «Мадгальяна в аду»
(из Частной коллекции) [16].

Нами на англоязычном сайте найден еще один аналог «Повести о Молон-тойне» под названием «Мадгальяна в аду», рукопись которого хранится в частной коллекции [16]. Этот многостраничный манускрипт, безусловно, принадлежит руке монгольского мастера. Об этом свидетельствуют изображения людей в традиционной монгольской одежде и характерная для монгольской живописи «барочность», динамичность, «многословность», многофигурность изображения (рис. 5, 6). В сравнении с этим манускриптом «Повесть о Молон-тойне» Г.-Ч. Цэбэгийна выделяется лаконичность образов и простотой композиции.

К сожалению, пока не удалось выяснить, занимался ли Г.-Ч. Цэбэгийн в дальнейшем изобразительным творчеством. Как свидетельствуют архивные документы, Г.-Ч. Цэбэгийн из Петербурга «выбыл 26 июля 1915 г. вследствие расстройства здоровья, не перенеся местный климат» [17, л.247].

По возвращении Г.-Ч. Цэбэгийн с 1915 по 1923 г. продолжал служить гелонг-ламой Сартульского дацана в Бурятии, занимался подготовкой и обучением буддийских служителей; организовал школу в селе Верхний Бургалтай (в местности Добо). Он ездил по хошунам с целью охватить учебой талантливую молодежь, побывал во всех действовавших в то время дацанах, давал советы по вопросам архитектуры, проведения ритуалов, установления божеств, организовывал диспуты [2], продолжал переводческую и исследовательскую работу по математике, астрономии. Им было написано «Руководство по схеме семи Планет согласно принципам желтой астрономии», в котором

он изложил принципы и методы идей «Книги координат небесных тел» — фундаментального труда XVIII в.

В 1923 г., спасаясь от преследований органов НКВД, Г.-Ч.Цэбэгийн тайно выехал в Монголию. По мнению монгольского ученого Л.Тэрбиша, он стоял у истоков создания академической науки в Монголии в начале 1920-х годов. 23 августа 1923 г. решением первой сессии монгольского Ученого комитета он был избран его членом как «знаток пяти больших наук». Здесь Г.-Ч.Цэбэгийн продолжил работу по конкретизации и развитию основных идей математико-астрологического труда «Книга координат небесных тел». Продолжая изучение астрономии, он усовершенствовал трактаты, сочиненные предшественниками, предложил новые методы быстрого исчисления движения Солнца, Луны и пяти планет. В Монголии ученым были написаны труды: «Открывающая глаза новообучающимся», в котором изложен метод исчисления координат небесных тел; «Пространная таблица по космическим периодам, согласно устоявшимся принципам астрономического исчисления»; «Таблица 5565 суток»; «Таблица, свободная от недостатков по безошибочному определению последствий года». Кроме того, он занимался переводами научных трудов на монгольский язык, вел изыскания в области филологической и исторической наук, центром его внимания был поиск старинных рукописей и произведений культуры прошлых эпох [3].

В конце 20-х годов XX в. в Улан-Баторе стали «выявлять» так называемых «правых уклонистов». Началась тайная слежка за представителями старой интеллигенции, навешивание ярлыков «враг народа», «контрреволюционер» и т. п. Подобная обстановка исключала возможность занятий научной работой: Цэбэгийн был вынужден уехать из Улан-Батора. В 1928–1937 гг. он жил в Хэнтэйском аймаке, в сомоне Батшэрээт в верховьях Керулена и Онона, где основное население состояло из хори-бурят и сартуул-бурят. Там он основал буддийскую астрологическую школу «Зурхай», занимался обучением молодежи, приглашал на преподавательскую работу бурятских астрологов. В эти годы он осуществил перевод с тибетского на монгольский язык крупных исторических трудов: «История завоевания Тибета монгольскими ханами», «Биография Галдан-Цэвэна, сына монгольского нойона Далай хунтайджи», «История Хухэ-нора» [3]. По одним источникам, в 1937 г. Г.-Ч.Цэбэгийн был арестован и репрессирован [3, с. 337]. Однако, по свидетельству ученика Г.-Ч.Цэбэгийн Самбу-ламы (который в 1932 г. из Сартульского дацана нелегально приехал в Батшэрээт к своему учителю), когда в 1937 г. начались массовые репрессии, Г.-Ч.Цэбэгийн выехал из Батшэрээта, затем получил возможность вернуться в Улан-Батор и вновь обратился к востоковедческим исследованиям, работая сотрудником научной библиотеки Монгольского университета. Самбу-лама жил при нем до его кончины в Улан-Баторе в 1940 г. [2, с. 111].

Таков был жизненный и творческий путь Г.-Ч.Цэбэгийн — философа, переводчика, писателя, художника, выдающегося духовного деятеля Бурятии, одного из создателей дацана Гунзэчойнэй в Петербурге.

Литература

1. *Цыбыктарова С. Д.* Осор Будаев — мастер Петроградского буддийского храма // *Orient*. Альманах. Вып. 1. Буддизм и Россия. СПб.: Утпала, 1992. С. 38–50.
2. *Менжигийн Д. Т., Бадмаев Е. Л.* Гэлэг-Жамсо Цэбэгэй (Мархаа дороомбо) // *Выдающиеся бурятские деятели*. Т. I (вып. 1–4). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 2009. С. 109–111.
3. *Монгольский исторический словарь. Энциклопедический справочник / А. С. Гагапов.* Улан-Удэ: Республиканская типогр., 2008. 368 с.

4. Цэбэгийн Г.-Ч. Повесть о Молон-тойне. Государственный Музей истории религии, инв. №Л-5572.
5. Асалханова Е. В. О роли и месте декоративно-прикладного искусства и живописи в пространстве буддийского храма. (К вопросу традиций и новаторства архитектурно-художественного решения интерьеров дацана Гунзэчойнэй в Санкт-Петербурге) // Традиционное прикладное искусство и образование. Материалы XII Международной научно-практической конференции 6–10 ноября 2006 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 18–25.
6. Асалханова Е. В. Витражи буддийского храма в Санкт-Петербурге // Художественное наследие и современность. Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Санкт-Петербургская гос. худ.-пром. академия им. А. Л. Штигица / сост. канд. искусствовед., проф. А. Ф. Дмитренко; канд. искусствовед., проф. В. С. Сперанская. СПб.: Астерион, 2007. С. 44–53.
7. Асалханова Е. В. Система храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Петербурге // Петербургские искусствоведческие тетради. Статьи по истории искусства. Вып. 11 / [ред.-сост. А. Г. Раскин]. СПб.: Астерион, 2008. С. 130–141.
8. Асалханова Е. В. Программа воссоздания храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Петербурге // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. Вып. 6 а. С. 276–283.
9. Асалханова Е. В. Иконография Калачакры // Предметы и пространства искусства II. Материалы межвузовской научно-практической конференции аспирантов и студентов. 17 марта 2010 г. Художественное наследие и современность. Сб. науч. трудов. Вып. 6 / Санкт-Петербургская гос. худ.-пром. академия им. А. Л. Штигица. СПб.: Астерион, 2010. С. 7–14.
10. Андреев А. И. Храм Будды в северной столице. СПб.: Нартанг, 2004. 221 с.
11. Цыбиков Б. Благословите небо и человечество... // Священный Байкал. Ежегодник. Культурно-экологический журнал [Улан-Удэ]. 1995. Спецномер. С. 6–7.
12. Андреев А. И. Санкт-Петербургский дацан [Русско-английское издание]. СПб.: Нестор-история, 2007. 79 с.
13. Изобразительное искусство Бурятии. (Из собрания Национального музея республики Бурятия: коллекции Бурятского республиканского художественного музея им. Ц. С. Сампилова, Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, Музея Бурятского научного центра СО РАН, Кяхтинского краеведческого музея им. В. А. Обручева, частных коллекций). Улан-Удэ: Изд-во ООО «Новапринт», 2011. 192 с.
14. Буряты: традиции и культура. Популярное издание / сост. Г. Башкуев. Улан-Удэ: Soyol Publishers LTD, 1995. 297 с.
15. Бороноева Т. А. Графика Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та; БНЦ СО РАН, 1997. 127 с.
16. Maudgalyayana in Hell. Sh. and D. Rubin' collection. URL: www.himalayanart.org (дата обращения: 10.12.2012).
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 488. Л. 247.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2012 г.